

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Кадькалова Э. П. Выход в теорию словообразования. Саратов: ООО «Буква», 2015. 341 с.

Книга «Выход в теорию словообразования» стала последним трудом Э. П. Кадькаловой и посмертным изданием, которое было подготовлено Ю. Г. Кадькаловым. В монографии обобщены раздумья автора о многих важнейших проблемах теории словообразования: понятиях производности и мотивированности, видах мотивированности, о соотношении мотивированности и лексической идиоматичности производного слова, о предмете и объекте словообразования. Центральное место в книге занимают два взаимосвязанных вопроса: о соотношении понятий «словообразовательная производность» и «словообразовательная мотивированность» и о построении «словообразовательной грамматики».

Рассуждения автора строятся на базе тщательного анализа истории становления, осмысления и переосмысления понятий «производность» и «мотивированность» применительно к материалу русского языка (от Ломоносова до наших дней). Одна из 3-х частей книги – историко-лингвистическая – называется «Ход времени и движение мысли» (с. 7–165).

В истории понятий «производность» и «мотивированность» в русистике от XVIII до XXI в. Э. П. Кадькалова выделяет как минимум четыре этапа с выходом на этап пятый. Это:

1) недифференцированное понятие *производное слово* (образованное, делимое на части, состоящее из воспроизводимых значимых частей и т. п.) – от М. В. Ломоносова;

2) понимание производности в качестве «бинарной» членимости основ разной степени сложности – продукта мотивированных обозначений предметов действительности – от Г. О. Винокура;

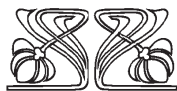
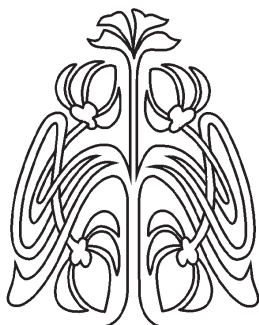
3) разграничение *членимости* (морфемного состава, оформленности) и *производности* (словообразовательной структуры) слов и основ – от Е. А. Земской, Н. М. Шанского и др.;

4) освобождение от синхронического понятия *производность* в пользу синхронической *мотивированности* (соответственно переход от формулы *производящее* → *производное* к формуле *мотивирующее* → *мотивированное* при изучении словообразовательной синхронии) – ОПОГ, АГ-70, РГ-80;

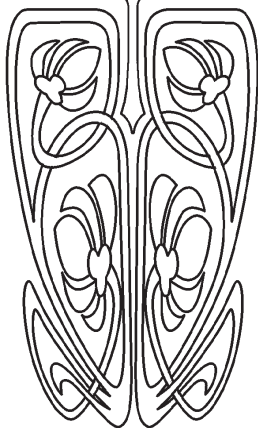
5) выход на новый этап разработки критериев разграничения отношений *членимость* – *производность* – *мотивированность* («словообразовательная мотивированность») как явлений сосуществующих, взаимоналожимых, но существенно разных по роли, бытованию и экспликации в языке.

Значительное место в книге занимает обсуждение вопроса о феномене мотивированности языкового знака, о типах мотивационных отношений между словами, о понятии «словообразовательная мотивированность». На конкретном языковом материале автор выстраивает «поле» возможных структурно-семантических связей между словами языка, в котором «могут как обособляться, так и совмещаться между-словные синтагматические отношения (МСО) – отношения однокорневых слов со свободными корнями (полными и усеченными, полными и десемантизированными) и междусловные парадигматические отношения (МПО) – отношения слов с общим связанным корнем или разнокорневых слов (с регулярными аффиксами, с омофинальными и омоинициальными частями разной природы и др.)...» (с. 208).

Исследователь ставит важный для теории словообразования вопрос: «все ли мотивационные отношения показанного поля соответствуют понятию *словообразовательных отношений* – точнее, отношений *значимых* для словообразования (**не**: рожденных словообразованием;

ПРИЛОЖЕНИЯ

такая трактовка уводила бы нас от синхронии языка)?» (с. 210). Э. П. Кадькалова склоняется к утвердительному ответу на поставленный вопрос, полагая, что словообразовательная мотивированность «не совпадает ни с узким представлением о словообразовательной мотивированности как структурно-семантической обусловленности слова другим словом с тем же корнем, ни, конечно, с констатацией фактического участия тех или иных виртуальных образцов в образовании реальных слов» (ср. слова «типа *жених, попадья, стеклярус*, которые, будучи носителями четко выраженной мотивированности однокорневыми словами, тем не менее по каким-то причинам не вышли на роль реальных словообразовательных образцов») (с. 215).

Словообразовательная мотивированность, по мысли автора, репрезентирует «потенциальные словопроизводственные способности системы языка» (с. 213), а «мотивационные (на основе понятия “словообразовательная мотивированность”) классификации слов, в том числе и при расширительном понимании словообразовательной мотивированности, способны вывести нас на знание резервов (виртуальных образцов) словопроизводства, но не более того» (с. 215). С этих позиций, пишет Э. П. Кадькалова, «словообразовательная мотивированность... может быть определена как мотивированность слова, достаточная для его выдвигания на роль виртуального словообразовательного образца. Мотивированное слово в этом случае может быть определено как такое, в материальной структуре которого так или иначе обозначен некий логико-интерпретативный и/или чувственно-ассоциативный сигнал номинативной технологии, доступный естественному восприятию носителей языка и повторному использованию в актах словопроизводства» (с. 212–213). И далее: «Понятая таким образом словообразовательная мотивированность складывается в широкое поле мотивированных слов, в структуре которых могут быть отражены МСО + МПО, только МПО, только МСО» («в каждом из трех показанных микрополей можно выделить свой центр и свою периферию») (с. 213).

В связи с обсуждением вопроса о *словообразовательно значимых* структурно-семантических мотивационных отношениях между словами интересным и перспективным представляется следующее рассуждение автора монографии: «...когда пытаешься собрать вместе слова, которые в той или иной ситуации вызывали сомнения, поскольку не укладывались ни в рубрику “чисто условных обозначений действительности” по Г. О. Винокуру, ни в рубрику слов, отвечающих показателю “словообразовательной мотивированности” (“мотивации”) по определению РГ-80 (с позиций определмости словообразовательно мотивированного слова через мотивирующее его слово с тем же корнем. – О. К.), то оказывается, что их очень много, чуть ли не больше тех, которые

беспрепятственно укладывались в обе названные рубрики. Не значит ли это, что *аналогическое* словопроизводство носит в языке всеобщий характер, а *корреляционное* и *дефиниционное* (по определению Е.С. Кубряковой) – всего лишь частные его проявления?» Вопрос, на который сегодня, замечает Э. П. Кадькалова, вряд ли возможен аргументированный ответ (с. 206).

Феномен *производности*, реализованный в *производном слове*, рассматривается в книге в аспектах отношения к языковому времени, функций производного слова в словопроизводственном процессе и лексической системе языка, места производного слова в уровне модели языка, соотношения мотивированности и идиоматичности в производном слове.

Производное слово в концепции Э. П. Кадькаловой – единица, соотносимая как с синхронией, так и с диахронией языка: «...*производное слово* – это всегда своеобразный синхронно-диахронный феномен: *продукт* процесса продвижения (“было – стало / не было – появилось”) от накопленного в языке строевого материала и аналогических на него реакций человека к созданию окказиональных (ситуативных) “вербидов” и вызреванию на их основе лексем языкового стандарта. В синхронии языка *производное слово* остается таковым лишь постольку (и до тех пор), поскольку в контексте своих системных связей осознается как (1) обладающее структурной и семантической мотивированностью (единственной или неединственной) другим словом (сочетанием слов им под.) с тем же корнем, (2) большей сложностью (по обоим или одному из указанных параметров) в сравнении с мотиватором и (3) энергией словообразовательного образца (образцовой словообразовательной модели; в случаях неединственной мотивированности – вариативной)...» (с. 233).

И в той, и в другой временной плоскости производное слово «открывается как своеобразная “двухуровневая” единица – (1) *словообразовательная модель*, отсюда и *словообразовательный образец* и (2) *номинативный знак*.

Как словообразовательная модель (и образец) оно представляет собою *бинарную структуру*, базирующуюся на ею же реализуемом (мотивируемом) *словообразовательном значении* (семантике ‘связи’ итоговой единицы с единицей исходной). *Разделить их нельзя: это две составляющие единого феномена – словообразовательной модели, обладающей строем, выводимым из им же выраженной зависимости производного от производящего* – как в словообразовательно мотивированных словах, так и в номинативно идиоматичных словах-метафорах.

Как номинативный знак производное слово – это “мотивированная идиома”, совмещающая в своей семантике структурно выраженные значения – словообразовательное и грамматическое – с неизбежно в той или иной мере “скрытым” (идиоматичным) лексическим значением» (с. 325).

Главное, что выделяет производное слово из ряда других структурно-семантических категорий слов, – это «функция словообразовательного образца» (с. 263). Данная функция, по наблюдениям автора, реализуется при сочетании «языкового и личностного факторов в процессах словопроизводства» в трех основных видах: 1) ориентация на регулярные и продуктивные словообразовательные образцы, представленные в узуальных производных, – независимо от частотности такого рода производных в речи самого «творца слова»; 2) ориентация на регулярные словообразовательные образцы производных слов, наиболее частотных в речи самого «творца слова»; 3) «внетиповое» (произвольное) словотворчество на основе приемов преобразования слов путем замены звуков или морфем (*супер* → *пупер*; *подкоп* → *раскоп*), сочетания реальных слов или их частей (*хочмячокнетя*; *Чубайс* + *ваучер* → *чубаучер*) (с. 261).

Рассуждая об «уровневом» статусе производного слова, автор монографии, во-первых, считает целесообразным опираться на понимание уровня языка «в качестве среза его [языка] сложной, но целостной структуры, представляющего собой систему относительно однородных единиц с общей коммуникативно значимой функцией» (с. 245), и, во-вторых, разграничивать для характеристики словообразовательного «уровня» два типа его единиц: 1) *строительную конкретику*: производные и производящие слова, основы и образующие средства разных рангов; 2) *словообразовательные образцы* (словообразовательные «модели»), отчуждаемые от производных слов, словообразовательных пар и их группировок (с. 249).

Рассматривая соотношение феноменов мотивированности и производности, автор отмечает неравнозначность понятия «производность» и коррелятивной формулы «производящее → производное», равно как понятия «мотивированность» и коррелятивной формулы «мотивирующее → мотивированное», что ранее не обращало на себя внимания дериватологов. Э. П. Кадькалова пишет: «... темпоральные признаки формул “производящее → производное” и “мотивирующее → мотивированное” (в отличие от темпоральных признаков самих “производных” и “мотивированных” слов) не совпадают. Отношения “производящее → производное” – это фактически формула словообразовательного процесса. В любой синхронной системе языка (на любом участке его истории) она информирует о наличной в языке связи... синхронно-диахронного типа: “было (первичное слово) → стало, появилось (вторичное слово)” (в плане восприятия обязательно “первичное → вторичное”, хотя в реальности может быть и наоборот). В отличие от этого формула “мотивирующее → мотивированное” на любом синхронном участке истории языка несет в себе информацию о сугубо синхронических отноше-

ниях *сосуществования* двух однокоренных слов, находящихся во взаимной связи определенности одного (как правило, более сложного по составу) через другое» (с. 243).

По мнению Э. П. Кадькаловой, «для определения уникальной методической специфики словообразовательных исследований в целом предпочтительным является обращение “к термину” (точнее было бы сказать “к понятию”) производное слово, так как понятие *мотивированное слово* в большей степени уводит нас от словообразования в сторону лексико-семантических процессов» (с. 325). Производное слово «в ранге словообразовательного образца» – основной объект словообразовательной дериватологии.

Одной из основных задач науки о словообразовании, главным ее предметом автор считает построение «словообразовательной грамматики», выявление правил словопроизводства (решение вопроса о том, «как можно делать новые слова», по Л. В. Щербе). Многие страницы книги посвящены обоснованию научной ценности этой задачи и обсуждению способов ее достижимости.

Возможно ли практическое решение этой задачи, насколько реальна ее достижимость? Этим вопросом задается автор монографии: «Может ли такое определение “объекта” словообразовательной науки (как науки о действующих правилах образования слов. – О. К.) стать по-настоящему эффективным, работающим, результативным определением; можно ли действующие в языке правила образования слов наблюдать, извлечь из речевых актов и поставить на систематическое изучение? Если можно, то как? Как, например, определить, от чего в современном русском языке образуются слова типа *слесарничать*, *токарничать*: от названий лиц или от прилагательных, рожденных соответствующими названиями (“быть слесарем” или “быть мастером слесарного дела”/ “выполнять слесарную работу”)? Список подобных вопросов можно продолжить». «И тем не менее, – пишет Э. П. Кадькалова, – по ходу времени стремление дериватологов выйти в зону изучения действующих в синхронии правил словопроизводства явно усиливается» (с. 5).

Встает вопрос о *материале*, на котором такая задача выполнима, и о *методике* его исследования.

Вопрос о том, «как можно делать новые слова», решается, по убеждению автора, только на основе глубокого проникновения в то, «как сделаны слова». Остановив внимание на получившей большую популярность формуле Л. В. Щербы («вопрос о том, “как можно делать новые слова” (вопрос о правилах словообразования) принадлежит грамматике, вопрос же о том, “как сделаны готовые слова” – дело словаря»), Э. П. Кадькалова видит ее ценность не в противопоставлении или изоляции двух аспектов анализа производных слов (как этот нередко происходит), а в признании «их неоднородной функции в системе языка: в роли

типа *лексем* и собственно словообразовательных образцов» (с. 23). Такое понимание глубокого и выразительного определения Л. В. Щербы подчеркивает двуединство и тесное взаимодействие «словообразовательной грамматики» и «словообразовательной лексикологии».

В этом взаимодействии вопрос о том, «как сделаны слова», подчеркивает Э. П. Кадькалова, не имеет этимологического содержания (вопрос об этимологии слов составляет самостоятельную проблему). «Как сделаны слова» – это вопрос о том, «как они осознаются сделанными (отсюда и как “членятся”)» в контексте их структурно-семантических связей с другими (сосуществующими с ними в данной лексической системе) словами того же корня» (с. 219). От того, как слова осознаются сделанными, зависит и то, как они членятся, и то, как можно делать новые слова. Реальный словотворческий процесс идет «от воспринимаемых конструкций “готовых” слов к стимулируемым ими конструкциям слов потенциальных» (с. 5).

Любые ли производные (мотивированные) слова являются носителями той словообразовательной мотивированности, которая наиболее информативна для выявления правил словопроизводства? Э. П. Кадькалова пишет об этом: «Несомненно, что главным путем пополнения состава узуальной лексики является аналогия, основанная на точном копировании продуктивных языковых моделей сбывшихся производных слов – основного фонда накопленных языком словообразовательных образцов. Другие “аналоги” имеют меньше шансов войти в языковой узус, а следовательно, стать полноценным экраном действующих в синхронии законов словопроизводства. И все-таки опора говорящего на слова “готовые” при создании новых слов (вербоидов) так или иначе *всегда* дает о себе знать, что само по себе позволяет (или даже предписывает) основным (исходным) *материалом изучения* в дериватологии считать производные слова во всех их разновидностях и аспектах бытия» (с. 263).

С помощью какой методики исследователь может выйти к раскрытию действующих на данном синхронном срезе правил словопроизводства? Эта задача, по мнению автора, практически неосуществима «без опоры на методику последовательного (систематического), комплексного (мотивированность/производность в их совокупности), синхронно-диахронного (современного и исторического) анализа “готовых” слов» (с. 326–327).

Названные методические принципы применены в книге Э. П. Кадькаловой к описанию конкретного языкового материала – *производных глаголов деятельности и глаголов поведения* (глава «От теоретических постулатов к иллюстративному материалу» – с. 264–319). Производные глаголы деятельности и поведения на *-ить, -ничать, -ствовать* (типа *портняжить, слесарничать,*

секретарствовать; лицемерить, кокетничать, зверствовать) рассмотрены автором:

1) в составе соответствующих словообразовательных категорий (в каждом случае – для глаголов деятельности и для глаголов поведения – проанализирована вся совокупность словообразовательных типов с общим словообразовательным значением);

2) с учетом тематических групп мотивирующих эти глаголы имен лиц (что позволило выделить ядро мотивационной базы глаголов каждого типа);

3) с учетом всего спектра ограничений к реализации каждой из словообразовательных моделей;

4) с привлечением систематических исторических данных.

В результате автору удалось сформулировать *правила образования агентивных глаголов*. Во-первых, доказано, что правилом является их образование на базе имен лиц (а не других возможных мотиваторов: абстрактных существительных и прилагательных типа *губернаторство, нахальный* и под.). Во-вторых, выявлена преимущественно работающая логика распределения «контактных» моделей в границах глаголов ‘деятельности’ и глаголов ‘поведения’. Эта логика может быть сведена к двум стандартным ситуациям:

1) дистрибуция моделей на *-ить, -ничать, -ствовать* в соотношении с названиями лиц *по роду деятельности* зависит от социального статуса («престижа») соответствующего рода деятельности: высокие должности, интеллектуальный труд ← *-ствовать (директорствовать)*; практическая, прикладная работа ← *-ить* и/или *-ничать (бочарить, слесарничать)*;

2) в соотношении с *оценочными именами лиц* (по образу жизни, чертам характера, поведению) дистрибуция этих же трех моделей зависит, главным образом, от степени пейоративности той оценки, которая заключена в имени лица, а затем (в зоне промежуточных оценок) – и от эмоциональной реакции говорящего. Снисходительное порицание ← только *-ить (бедокурить)*; рациональная констатация непростительной порочности ← только *-ствовать (ренегатствовать)*; в промежуточной зоне при повышенном эмоциональном «неприятии» говорящим оцениваемого ← *-ничать (разгильдяйничать)* (с. 318–319).

В заключении книги, определяя перспективы научного поиска действующих в языке законов словопроизводства, Э. П. Кадькалова пишет: «...для осуществления систематического исследования в языке законов словообразования явно недостаточна та классификация производных слов (первая в русистике и на сегодняшний день единственная), которая представлена в академических грамматиках современного русского языка. Нужна классификация, основанная на учете значительно большего набора определяющих признаков производящих и производных единиц: (1) не только

“лексико-грамматических свойств” производящих “основ” (слов), но и их когнитивных, экспрессивно-стилистических, структурных и фонетических характеристик, (2) не только “семантического соотношения между производным и производящим”, но и отношений, в которые анализируемые производные включаются в соответствующих тематических группах, синонимических и одноформантных рядах, в соответствующих гнездах, (3) не только “словообразовательной структуры” производных (их “способа производства и словообразующей морфемы”), но и вклада компонентов словообразовательной структуры производного

слова в его семантику (ср. *озаботить*, *озаглавить*, *огласить*, но *огорошить*, *околпачить*), и возможных вариантов членения анализируемых производных (ср.: *плотнич-а-ть*, но *столяр-нича-ть* и *столяр-н-ича-ть*). Выйти на такую классификацию производных слов – одна из важнейших и очень трудоемких задач дериватологии» (с. 326).

Здесь автором обозначены важные векторы развития дериватологии XXI в., пути ее выхода фактически к анализу словарного состава языка в целом – под углом зрения словообразования.

О. Ю. Крючкова

АЛЕКСАНДР ТУФАНОВ: ОТ ЗАУМИ – К СОНЕТНОМУ ВЕНКУ СТАЛИНУ

Письма ссыльного литератора: Переписка А. В. и М. В. Туфанова (1921–1942) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 904 с.: ил.

Образ Александра Туфанова – загадочного «Председателя Земного Шара Зауми», как он себя называл, делаясь тем самым преемником Велимира Хлебникова, теперь стал яснее и жизненнее благодаря этой книге, в которую вошла его уникальная переписка с женой на протяжении почти 20 лет.

Эти письма, сохранившиеся в архиве Туфанова в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), разобранные Татьяной Двинятиной и опубликованные и прокомментированные ею совместно с А. В. Крусановым, теперь дают возможность прекратить многие споры и исправить многие ошибки в биографии Туфанова. Долгое время его считали малоизвестным поэтом, русским футуристом, опоздавшим не только на торжество футуризма, но и даже на его похороны. Изредка упоминали его роль поэтического наставника будущих обэриутов Д. Хармса и А. Введенского на первом этапе их творческого пути.

Публикуемая переписка охватывает 20 лет письменного общения – с момента знакомства, когда Александр Васильевич Туфанов и Мария Валентиновна Тахистова еще не только не были женаты, но лишь начинали свой путь друг к другу. И далее – подробные, искренние письма: из Петрограда в Галич, из лагеря в Потье в Ленинград, а затем – письма из Орла, Новгорода и – самые трагические – с дороги в эвакуацию и последние – от умирающего Туфанова из Галича. По жуткой иронии судьбы, его жена выжила в страшном блокадном Ленинграде, а он – умер от истощения в эвакуации,

Среди всех арестованных по делу Детиздата в конце 1931 г. Туфанов получил самый большой срок – 5 лет концлагерей. К счастью, в эти «вегетарианские» времена он отбыл только два года – «помогла» инвалидность. Но вернуться в Ленинград, к жене, ему было уже не суждено. Оставшийся

срок заключения Туфанову был заменен высылкой. Поэтому еще два с половиной года он жил в Орле, а после окончательного освобождения – в Новгороде. Прописка в Ленинграде, приграничном городе, человеку с судимостью была запрещена, а добиться ее снятия он так и не смог.

Письма приоткрывают нам жуткий мир районного города средней полосы России: шпана, хулиганье, хамство, невозможность общения. Предельная изоляция и одиночество. Единственное спасение – почти ежедневные письма жене и почти столь же частые письма от нее, а еще – многочасовая работа над переводами Шекспира. И почти три года – вплоть до устройства Туфанова на работу в Новгороде – Мария Валентиновна спасала своего мужа, посылая ему деньги (половину скудного жалования), посылки с вещами и продуктами. Если бы не это, Туфанов бы умер гораздо раньше: советская власть не заботилась, на что будут жить ссыльные и высланные, которых зачастую не брали ни на какую работу. Можно смело сказать, что Мария Валентиновна Туфанова полностью соответствует той ахматовской женщине-героине, у которой уже ничего не осталось кроме ежедневной тюремной очереди.

Публикация этих писем имеет очень большое значение для понимания внутренней эволюции Туфанова – от практика и теоретика зауми – к одам вождю и его приближенным. Но более чем спорным представляется утверждение, что Туфанов «незаметно сам для себя становится все больше похож на героев Зощенко, искренне вписывает в себя коммунистическую идеологию и утверждает в мысли, что “<г>олько у высших властей находишь правду”» (с. 16). Такое ощущение, что авторы предисловия забыли, как именно шел разговор через пространство у Туфанова и его жены. Дело происходило в 1930-е гг., – Туфанов, бывший лагерник, высланный с «минус 12» и лишенный избирательных прав, пишет своей жене письма,

прекрасно понимая, что любое из них – перлюстрированное – может оказаться для него новым приговором, да и не только ему, но и адресату. Вот почему Туфанов выверяет каждое слово и, ругая местные власти, не забывает каждый раз напомнить, что это только «местные перегибы», а он, Туфанов, помнит и знает, что там, наверху, есть высшая власть, настоящие коммунисты, у которых всегда можно найти справедливость, защиту и поддержку.

Письма Туфанова, конечно, напоминают рассказ Дудорова из «Доктора Живаго» – о том, как его перевоспитало следствие и ссылка. Выслушав его, Юрий Андреевич говорит, что это выглядит так же, как если бы лошадь рассказывала, как она сама себя объезжала в манеже. Однако разница очень существенная. Дудоров говорит совершенно искренне, находясь в кругу близких друзей, которым полностью доверяет. Туфанов после освобождения из лагеря почти 8 лет жил в обстановке, которая может быть описана формулой Гоббса 'Bellum omnium contra omnes' – «война всех против всех». Живя восемь лет в обстановке постоянного напряжения, полной изоляции – поскольку любое естественное движение души (будь то помощь, угощение, какое-то человеческое сближение, да и просто – неосторожное слово) могло привести к доносу с печальными последствиями. Лагерная психология помогала ему. «... Не знакомлюсь, не подпускаю, не разговариваю», – так он формулирует в письме от 2 января 1934 г. свои отношения с местными жителями в Орле (с. 172). Лишенный всех прав, живущий в городе, где властвовали шпана и хулиганы, Туфанов избирает для себя единственно возможный в его случае способ защиты: он учится языку своей эпохи и начинает применять его в своих интересах. Надо сказать, что во многих случаях это ему действительно удается: на звонкую идеологическую риторику начальства он отвечает еще более агрессивной идеологической риторикой, разного рода обвинения он оборачивает против самих обвинителей, пользуясь их же языком, этим же способом ему время от времени удается защищаться даже от шпаны и хулиганов. Практически каждый свой шаг в отношениях с официальными инстанциями он подкрепляет письменным заявлением, оставляя себе копии, а войну с враждебно настроенным по отношению к нему институтским начальством в Новгороде он ведет уже, используя все существующие в советской системе рычаги – от прессы до народного суда, и побеждает.

Да, из писем бывает уже трудно отделить маску от подлинного лица, однако вряд ли можно ставить это в упрек Туфанову – пытавшемуся выжить и остаться человеком в ситуации, когда против него была вся мощь тоталитарного государства, а на его стороне – лишь несчастная супруга, работающая почти круглые сутки, чтобы на скудное жалование больничного статистика содержать свою мать, свекровь, да еще ежемесячно посылать половину полученных денег в Орел мужу: все его попытки устроиться там хоть на

какую-нибудь работу закончились неудачей. Отсюда и его венок сонетов Сталину, стихотворные славословия Калинину и проч. Это была не более чем попытка физического спасения – себя и жены, и стихи эти имеют не большее отношение к поэту Туфанову, чем цикл «Слава миру» – к Анне Ахматовой.

Признавая несомненную ценность публикуемых писем, хочется одновременно высказать удивление совершенно нехарактерной для авторов публикации и комментариев поспешностью, невнимательностью, неточностью и т. д. и т. п.

Прежде всего, вызывают вопросы принципы составления книги. Во-первых, видно, что письма публикуются выборочно. Однако принципы выборки не описываются ни в предисловии, ни где бы то ни было еще. В издании постоянно цитируются письма, не вошедшие в публикацию. И если бы это действительно были письма «проходные» или малоинформативные! К примеру, в книге содержится только 39 писем Туфанова 1920-х гг. – до ареста (писем 1930-х гг. во много раз больше). Что мешало опубликовать имеющиеся? Зачем, скажем, на с. 49 цитировать письмо от 23 мая 1922 г., указывая, что оно «в публикацию не вошло»? Почему не привести хотя бы частично расшифрованный текст одного из самых последних писем уже умирающего от голода Туфанова – от 30 ноября – 2 декабря 1942 г.? Неужели составители и комментаторы были настолько ограничены в объеме?

Но если действительно они были ограничены в объеме, то зачем в предисловии приводить полностью (!) письма, которые в том же издании будут опубликованы еще раз? Так дважды в издании публикуется письмо М. В. Тахистовой к А. Туфанову от 22 марта 19<22> г. (с. 13 и 42–43), письмо А. Туфанова М. Туфановой от 14 июня 1932 г. (с. 16–18 и 112–114). Ощущение такое, что работа над предисловием и над составлением корпуса текстов книги совершалась то ли разными людьми, плохо взаимодействовавшими друг с другом, то ли в очень разное время.

Вопросы остаются и по опубликованным письмам. Многие из них имеют купюры, помеченные, как положено, многоточиями в ломаных скобках. Но читателю снова приходится гадать: по каким же принципам сделаны эти купюры? Объяснений нигде не содержится. Надо полагать, изъяты фрагменты, которые публикаторы посчитали неинформативными, но каковы критерии информативности? Ответа опять нет.

Странно порой располагаются публикуемые письма Туфанова и его жены. Все они разделены на пять частей по хронологии: 1920-е гг., тюрьма и лагерь, Орел, Новгород, эвакуация. В каждой части – сквозная нумерация писем, начиная с № 1. Письма как Туфанова, так и его жены публикуются подряд – по дате написания. И, казалось бы, этот принцип действительно соблюдается. Однако, если, например, начать просмотр переписки орловского периода, то хронологический

порядок соблюдается только с 26 сентября 1933 г. по 6 июня 1934 г. Далее почему-то после письма Туфанова № 98 от 6 июня 1934 г. следует письмо № 99 его жены от 4 июня. Потом – вплоть до письма № 217 от 29 мая 1935 г. – хронология опять строго выдерживается, но письмо № 218 ее снова нарушает: оно датировано 25 мая, следующее № 219 – 27 мая – и затем опять уже до конца без нарушений. Почему такие сбои, чем они вызваны, – никаких объяснений публикаторами не дается.

Сталкиваемся мы и с неточной терминологией. Конечно, в Орле Туфанов находился не в «административной ссылке» (с. 25). Это называлось высылкой: человеку запрещали жить в определенном количестве крупных населенных пунктов («минус»)¹. Выражение было настолько общепринято и общеизвестно, что в 1928 г. бывший имажинист Матвей Ройзман опубликовал роман с названием «Минус шесть». Это было одно из распространенных в 1920-е гг. ограничений для высылаемых. Запрещалось проживать лишь в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе и Ростове-на-Дону. Поэтому неправильно и название третьей части – «Ссылка в Орел». Не было «ссылки в Орел», здесь Туфанов прав, говоря, что «в Орле ссыльных нет» (с. 369). К самому названию книги («Письма ссыльного литератора») претензий нет – выражение довольно устойчивое и употребленное не в терминологическом смысле.

Однако к концу 1920-х – началу 1930-х гг. гайки постепенно закручивались – и «минус шесть» превратились в «минус двенадцать». Именно такое ограничение получил Туфанов при освобождении из лагеря. Однако, конечно, сообщая об этом читателю (с. 19), нужно было и перечислить содержание этого запрета, чтобы было понятно, из чего приходилось ему выбирать. Этот список был уже гораздо шире. Туфанову было запрещено проживать во всех погранокругах, в Московской области (включая, конечно, Москву), в Ленинграде и Ленинградской области, на Северном Кавказе (включая Дагестан), во всех центральных округах областей, краев, автономных и союзных республик, на Украине, в Белоруссии и территории Белорусского военного округа, в Закавказской Федеративной Республике, в Ашхабаде, Каркаралинске, Мерве и их округах, в Красноводске, в Узбекской и Таджикской ССР.

Полезно было бы сообщить читателю и что именно угрожало Туфанову за нарушение этого «минуса». Часть 1 ст. 82 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., действовавшая на момент высылки, устанавливала в качестве наказания лишение свободы на срок до года за самовольный приезд в место, запрещенное для проживания. То же самое грозило ему и после окончания высылки – за незаконный приезд гражданина, имеющего судимость, в приграничный город Ленинград, вот почему он всячески отказывается от попыток приехать из Новгорода к жене на несколько дней без командировки или разрешения.

Постоянно повторяемая с гордостью Туфановым в Орле фраза «я без прикрепления» означала как раз высылку, а не ссылку. Впрочем, описанная в его письмах осени 1934 г. эпопея с безрезультатной попыткой обжаловать лишение избирательных прав подчеркивает схожесть положения ссыльных и высланных. Конечно, оставлять это без комментария было неправильно, следовало указать, что по избирательной инструкции 1930 г. избирательных прав лишались как те, так и другие, независимо от того, была ли эта санкция записана в приговоре. Туфанов этого не знал, а слова юрисконсульта о том, что Туфанов не является административно высланным (с. 351), надо отнести на счет его юридического невежества.

Завершая тему жизни Туфанова в Орле, укажем и на оставшуюся без комментариев сквозную тему, связанную с необходимостью для Туфанова иметь постоянный денежный резерв на случай внезапного выезда на новое место жительства по требованию ГПУ. Дело в том, что уже с 1934 г. начинают циркулировать слухи (отчасти просачивающиеся в газеты – см. письмо Туфанова от 2 марта 1934 г.) о том, что Центрально-Черноземная область будет разделена и Орел станет таким же областным центром, как и Курск. Для Туфанова это означало бы автоматический запрет на проживание в Орле².

Особая и большая беда в издании с датами жизни и с информацией об упоминаемых людях. Действительно, бывают случаи, когда даже архивные разыскания не помогают их установить, равно как и сведения о людях. Но комментаторы игнорируют зачастую базы данных «Мемориала», справочники «Блокада», базы данных о деятелях белого движения, о погибших и пропавших без вести на Второй мировой войне и многие другие – как электронные в Интернете, так и печатные, не говоря уже об архивах.

Вот некоторый перечень примеров. Александр Васильевич Юковлев (с. 73) – не просто «лектор, знакомый П. В. и А. В. Туфановых», а бывший прапорщик, воевавший в 1919 г. в Северо-Западной армии Родзянко – Юденича, затем эмигрировавший в Эстонию и вернувшийся в СССР в 1923 г. Кстати, фамилия Юковлев имеет преимущественно архангельскую локализацию, так что это был явно знакомый еще с архангельских времен.

Давид Лазаревич Вейс (его полное имя Давид-Тевель Эфроимович-Лейзерович) был в 1925–1926 гг. не только заведующим производственно-издательским сектором издательства «Прибой» (с. 74), а еще и членом президиума правления издательства, вторым заместителем председателя его правления. Это вообще человек весьма известный в истории русской литературы и русской журналистики. Достаточно сказать, например, что в 1906–1917 гг. он заведовал издательством «Шиповник», а с августа 1920 по

январь 1921 г. был заместителем заведующего Госиздатом. Следовало бы указать и даты его жизни: 1878–1938. Он был арестован 29 декабря 1937 г. и через 8 месяцев расстрелян.

Достаточно много приведено информации о поэте-имажинисте Иване Афанасьеве-Соловьеве (с. 77), включая и то, что он с 16 мая 1924 г. был членом Ленинградского отделения Союза поэтов. Однако в связи с упоминанием его в письме Туфанова 1925 г., конечно, следовало указать, что Афанасьев-Соловьев в 1925 г. был членом Мастерской по изучению поэтики при Союзе поэтов, возглавлявшейся Туфановым³.

Комментарий к описанному Туфановым своему визиту к Запанкову, «заведывающему школой 2 ступени», которого он называет «очень умным человеком» (с. 83) исчерпывается взятыми из справочника «Весь Ленинград» адресами Н. А. Запанкова в 1926 и 1927 гг. Между тем стоило указать, что роль Николая Александровича Запанкова не исчерпывалась его скромной должностью в середине 1920-х гг. Он был весьма известным еще до революции педагогом, занимавшимся вопросами подготовки учителей народных школ и городских училищ, популяризатором и пропагандистом идей К. Д. Ушинского, писал статьи о школьной реформе.

Действительно, как правильно пишут комментаторы к письму Туфанова № 41 от 21 августа <1927 г.> (с. 88), его планам на совместную с Хармсом «зимнюю кампанию» 1927–1928 гг. не суждено было реализоваться. Однако Туфанов был одним из тех, кто получил персональное приглашение на вечер ОБЭРИУ «Три левых часа», состоявшийся 24 января 1928 г. Сохранился приглашенный билет № 26, выписанный на его имя почерком Хармса, имеется имя Туфанова и в списке приглашенных на вечер в записных книжках Хармса. Упомянутый же в том же письме литератор Карл Станиславович Мазовский действительно был в то время сотрудником журнала «Бегемот». Однако читатель не узнаёт, что Мазовский – это псевдоним, сатирика и юмориста Шандадушиса. Даты жизни комментаторами также не указаны, хотя хорошо известны – 1893–1962.

Прозаик и поэт Борис Алексеевич Западалов родился не в 1898, а в 1899 г. (с. 81). Профессор физики и астрономии Николай Петрович Каменьщиков (с. 91) скончался в 1939 г., вопросительный знак вместо даты смерти удивляет. Владимир Федорович Динзе родился не в 1880, а в 1886 г. (и без всякого вопросительного знака). О нем сообщается много разных сведений, но почему-то не сказано главного – что нужно было бы сказать в связи с А. Туфановым: именно В. Ф. Динзе, давно сотрудничавший с издательством «Прибой», рекомендовал туда Туфанова⁴. Сам Динзе, поступил на постоянную работу в «Прибой» уже позже – в октябре 1925 г. в качестве редактора детского отдела⁵. Писал он много и для журнала «Вокруг света», для которого Туфанов и адапти-

ровал по договоренности с Динзе к советским условиям «Жизнь термитов» М. Метерлинка (рассказ Туфанова не был опубликован, рукопись сохранилась в его архиве). Комментарий был бы неполным, если бы мы не упомянули то, что перевод «Воспоминаний о Шерлоке Холмсе», выполненный Туфановым, был издан в 1928 г. в качестве дополнительного приложения к тому же журналу «Вокруг света», а это заставляет думать, что и тут не обошлось без протекции В. Ф. Динзе.

Не стоило оставлять без комментариев и год смерти Динзе – 1938. В этом году он был арестован и расстрелян. К слову: если о расстрелах писателей и политических деятелей комментаторы, большей частью, сообщают (что правильно), то надо это делать везде. Например, не создавать у читателя впечатления, будто писатель и литературовед А. О. Старчаков мирно скончался в своей постели в 1937 г. (с. 189) или шекспировед С. С. Динамов в 1939 г. (с. 489).

Исследовательская небрежность видна во всем, что касается сотрудников издательства «Прибой», особенно – когда речь заходит о сослуживцах Туфанова по корректорской работе. Архив издательства «Прибой» открыт и доступен – можно было расшифровать инициалы, указать хотя бы год рождения этих людей, а также немного подкорректировать служебную биографию самого Туфанова. Так, он действительно начал работать в «Прибое» с 10 апреля 1923 г. (с. 56), но не сразу ответственным корректором, а сначала старшим, потом – ответственным, и только в 1925 г. он становится заведующим корректорским отделением производственного сектора. Что касается других корректоров, то Владимир Иванович Осипов (с. 73) родился в 1885 г., Владимир Сергеевич Коржевин (с. 74) – в 1894 г., а умер в 1930 г. и похоронен в Александро-Невской лавре. Е. С. Вознесенская (с. 77) – Елена Сергеевна, родилась в 1886 г. Непросто сложилась судьба у Н. А. Азарьева (с. 79). Николай Андреевич Азарьев родился в 1880 г. Дворянин и бывший капитан царской армии, он был арестован в 1935 г. и приговорен к пяти годам ссылки в Астрахань. Через три года, в 1938 г., в Астрахани, он был снова арестован, обвинен в шпионаже и расстрелян.

Не нашли авторы комментариев года рождения известного французского педагога Шарля Туссена (почему-то его фамилия записывается через «э») – Туссэн, как это делалось в XIX в.; Туфанов уже пишет через «е») – 1813 (с. 105). Парадокс, но на с. 552 (сноска 8) его фамилия пишется уже через «е» и сведений о нем дается больше, хотя вместо года рождения – тот же вопросительный знак.

Трудно себе представить, что комментаторы не смогли найти даты смерти В. К. Мюллера (1941) и С. К. Боянуса (1952) – авторов одного из самых знаменитых англо-русских словарей (с. 195), – но это так. Вместо дат смерти – вопросительные знаки.

Технический редактор К. А. Гранстрем, упомянутый Туфановым в письме от 23 июня 1934 г. (с. 310), родился в 1877 г., а умер в блокаду – в октябре 1942 г. Также в блокаду умер и названный там же литературовед Н. Н. Пенчковский – но не в 1943 году, а в декабре 1941 г. (с. 311). Даты жизни журналиста Николая Адамовича Томина: 1878–1942 (с. 312), он тоже умер в блокаду. Наконец, эта же участь постигла и Льва Александровича Федорова (даты жизни: 1881–1942), технического редактора (а не корректора), а еще – юриста и библиографа, с которым, кстати, работал в одно и то же время в издательстве Академии наук СССР Д. С. Лихачев, называвший Федорова «энциклопедически знавшим Россию» и «одним из образованнейших людей», которых он, Лихачев, встречал⁶. Генрих Карлович Клаас, директор Ленинградского областного государственного издательства (с. 312), родился в 1879 г., в 1935 г. был арестован и погиб в 1937 г.

Во многом иллюстрирует характер подготовки книги ситуация с журналистом, прозаиком и переводчиком Василием Владимировичем Гадалиным (наст. фамилия – Васильев), который с 1920 г. находился в эмиграции. В 1921 г. он переехал в Ригу, куда и посылал ему Туфанов свои произведения для публикации в эмигрантской печати (это стало одним из факторов, отягчающих вину Туфанова в деле 1931–1932 гг.). Имя В. В. Гадалина в этом контексте впервые появляется на с. 16 – и вообще никак не комментируется. Затем на с. 51 читаем: «Известно и о контактах Туфанова с литератором В. В. Васильевым-Гадалиным (Так! – А. К.), жившим в Риге» – опять-таки без каких-либо комментариев. И только на с. 105 читатель, наконец, узнает, что «Васильев-Гадалин», которого упоминает Туфанов в письме к жене от 19 апреля 1932 г., – это знакомый Туфанова по Архангельску «Васильев Василий Владимирович (псевд. Гадалин, 1890–1959), поэт, журналист...» Впрочем, и тут не без дефекта: правильный год рождения литератора – 1892. А в указателе имен (с. 888) присутствует уже «Васильев-Гадалин В. В.», как будто речь идет о двойной фамилии.

Непонятны лакуны в данных о родственниках Туфанова. Дата смерти Марии Викторовны Туфановой (жены Петра Васильевича Туфанова) известна (с. 69), она умерла в январе 1942 г. и похоронена на Пискаревском кладбище. В марте 1942 г. скончался и сам Петр Васильевич (с. 39), похоронен там же. Известна и дата его рождения – 1881 год. Следует уточнить и дату рождения их сына Кирилла Петровича Туфанова – 1912 год (скончался он в январе 1942 г., место захоронения неизвестно). Вся эта семья, проживавшая в кв. 12 д. 12 по Нижегородской ул., погибла во время ленинградской блокады. Наконец, известны и даты жизни Алексея Егоровича Туфанова (1877–1942), жившего на Арсенальной ул., д. 10, кв. 66 и также скончавшегося во время блокады (с. 106). В сноске 8 на с. 85 Алексей Егорович

назван «неизвестным родственником Туфанова», но «неизвестность» рассеивается к с. 162 – там, в сноске 1, читатель узнает, что он был двоюродным братом поэта.

Такая странная несогласованность видна во многих комментариях. М. В. Туфанова в письме от 11 марта 1933 г. упоминает врача по фамилии Сервирос – и комментаторы сообщают, что в справочнике «Весь Ленинград» (1932) значатся два врача с такой фамилией: Александр Павлович и Александр Александрович. Комментаторы письма Туфанова к жене от 22 июня 1934 г. знают гораздо больше: им известно не вошедшее в данную публикацию письмо М. В. Туфановой от 18 июня того же года, в котором она сообщает ему об увольнении «любимого доктора» ее мужа Александра Павловича Сервироса.

Ошибочно указан год рождения П. И. Чагина (Болдовкина): 1897 (правильно – 1898, источник ошибки, видимо, – неверное указание года рождения на карточках ГАР РНБ) – с. 146. Юлия Ивановна Калачева (сестра Е. И. Маккавеевой-Калачевой, жены врача И. Ф. Маккавеева) скончалась в блокаду, в декабре 1941 г. и была похоронена на Пискаревском кладбище (с. 174). Семья Маккавеевых, с которой дружили Туфановы, соседствовала с ними в д. 12 по Нижегородской ул., где они жили в кв. 72, а Туфановы – в кв. 12.

Николай Николаевич Филиппов, сотрудник издательства «Академия» и редактор словаря-справочника, в котором принимал участие Туфанов (с. 207), родился не в 1894, а в 1893 г. Дата смерти его известна – январь 1942 г., умер в блокаду, похоронен на Серафимовском кладбище. В том же январе 1942-го умер и другой знакомый Туфанова по издательским делам – Александр Федорович Добрынин (с. 215), похоронен на Пискаревском кладбище. Вообще, игнорирование блокадной ленинградской «Книги памяти» – общее место рецензируемого издания. К примеру, на карточках Генерального алфавитного каталога РНБ действительно указан только год рождения профессора Александра Францевича Бенкена (с. 640), но ведь в «Книге памяти» указаны и дата смерти (декабрь 1941 г.), и даже место захоронения – Большеохтинское кладбище.

Дату смерти директора Орловского пединститута Г. И. Строчицкого, с которым разговаривал Туфанов в бесплодных попытках устроиться на работу (с. 239–240 и почему-то повторено на с. 383), установить, к сожалению, не удалось, но зато о нем известно, что он не канул в лету после второго ареста в 1949 г., а выжил, в 1956 г. был освобожден и добился полного снятия обвинений.

Указанный год рождения поэтессы Марии Комиссаровой (1904) не может считаться однозначно установленным (с. 267), по другим источникам, это 1900 или 1903 г. Видимо, это следовало бы оговорить, как и то, что она была женой поэта Н. Л. Брауна, чьи стихи Туфанов очень любил (из его письма от 9 декабря 1934 г. (с. 377) мы

узнаем, что именно стихи Брауна он читал жене непосредственно перед арестом в 1931 г.). Во всяком случае, на могиле Брауна и Комиссаровой в Комарово ее год рождения указан как 1900.

Композитор М. М. Черемухин (с. 435) скончался в 1983 г.

Совершенно непонятно указание года смерти поэта Н. Н. Шульговского как «1934?» (с. 460) – если в вышедшей еще в 2011 г. статье М. Ю. Эдельштейна финал его биографии указан совершенно точно: умер в Ленинграде в 1933 г.⁷

Д. Хармс и А. Введенский действительно вернулись из курской ссылки (с. 302), а точнее – тоже из высылки в октябре 1932 г., но если для Хармса это стало окончательным возвращением, то для Введенского – только промежуточным пунктом перед отбытием в новое место проживания – Борисоглебск. Только перед новым 1933 г. Введенскому тоже удастся получить отмену своих «минусов» и вернуться в Ленинград.

Директор Новгородского учительского института Петр Мартынович Кимен (с. 557) скончался в 1961 г. Ошибочно указан год рождения профессора-филолога Александра Илариевича Германовича (с. 578): 1898 вместо правильного – 1896. Перепутано отчество историка Василия Александровича Фигаровского (ошибочно указано – Алексеевич, с. 648). Неправильно указано и нынешнее название ЛГПИ им. А. И. Герцена (с. 663), правильно: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Следует также уточнить настоящее имя Альвэка (с. 779) – Пинхус-Иосиф.

А вот еще один характерный пример удивительной небрежности комментаторской работы. Вместо даты смерти профессора, историка языка Александра Петровича Георгиевского стоит просительный знак (с. 734). При этом о нем сообщаются краткие сведения со ссылкой на статью Н. В. Хисамудиновой об ученом⁸. Однако при наличии печатной версии статьи ссылка дается на электронную, причем – заведомо неполную, в чем можно легко убедиться⁹. В неполной версии даты смерти нет, но она есть в полной, печатной. Статья заканчивается словами: «5 марта 1955 г. педагога и ученого не стало»¹⁰.

Столь же несложно было установить дату рождения доктора педагогических наук, профессора Бориса Васильевича Рождественского (с. 821) – 1886 год¹¹.

Публикаторы оставляют без комментария то, что Туфанов, цитируя в письме от 20 января 1934 г. стихотворение Андрея Белого «Жизнь» (с. 183), ошибочно относит его к «Золоту в лазури», тогда как оно было написано в 1908 г. и вошло в сборник «Урна». Следовало поправить и утверждение Туфанова в письме от 15 февраля 1934 г. – якобы британская королева Виктория носила траур 50 лет: ее супруг скончался в 1861 г., и она действительно носила по нему траур до конца жизни, но она сама умерла в 1901 г., следовательно

но, речь могла идти о 40 годах. Без комментария остается сравнение Туфановым А. И. Изюмова с «арцыбашевским “жеребцом”» (с. 236), между тем с «горячим, веселым жеребцом» в романе «Санин» сравнивается Зарудин.

«Испекла ты настоящий торт (tortus полатыни), – пишет Туфанов жене 7 апреля 1934 года» (с. 248). Действительно, русское слово «торт» через серию заимствований восходит к латинскому tortus – «крученный». Это не комментируется – как и то, что Туфанов записывает, видимо, по памяти с ошибкой в письме от 25.01.1939 г. латинское выражение – ‘Oderint, dum metuant’ (в тексте письма – ‘metuarit’ – с. 688).

В письме от 12 апреля 1934 г. Туфанов говорит о своем «аналитическом методе» борьбы за возвращение в Ленинград и пишет, что без фактов он не может шагу сделать, «как Шерлок Холмс без следа от шины автомобиля». Комментарий отсутствует, хотя тут явная отсылка к рассказу А. Конан-Дойля «Случай в интернате» из книги «Возвращение Шерлока Холмса». Память немного изменила Туфанову: в рассказе Холмс изучает следы не автомобильных, а велосипедных шин.

Без комментариев также остается цитирование Туфановым Юлиана Отступника в письме к жене от <22 апреля 1934 г.>. Точнее – ссылка содержит только даты жизни Юлиана (кстати, 331 год его рождения не является признанным, вариантом остается и 332 год) и указание на то, что он был римским императором. Создается впечатление, что Туфанов читал какие-то его труды, а между тем ни один текст Юлиана Отступника до нас не дошел, а лишь фрагменты дошли в цитатах других авторов. Однако цитата – человек «хуже дикого зверя» (с. 263) – цитатой из Юлиана вообще не является. Это несколько видоизмененный текст римского историка Аммиана Марцеллина из его «Римской истории». Марцеллин так говорит о Юлиане: «Он знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство христиан в своих разномыслиях» (XXII, 5). Вторая цитата из этого же письма («никто из христиан не мог бы сделаться честным человеком», с. 263) представляет собой несколько видоизмененную цитату из дошедшего до нас в цитации христианских полемистов трактата Юлиана «Против христиан»: «...от ваших писаний никто не может стать порядочным человеком» (кн. 1).

Следовало бы, наверное, в числе работ, посвященных стихотворению Д. Хармса «На смерть Казимира Малевича» (М. В. Туфанова называет его «На смерть Малевича», а комментаторы не исправляют – с. 447) упомянуть и нашу статью 2007 г., в которой впервые были приведены – по письмам М. В. Туфановой от 20 и 22 мая 1935 г. – ее свидетельства о похоронах Малевича, впервые опубликовано стихотворение Туфанова «На смерть художника Малевича», а также комментируется упомянутое стихотворение Хармса¹².

Не соответствует действительности утверждение, будто «трагедия А. П. Сумарокова “Синав и Трувор” отдельным изданием не выходила» (с. 547). Только при жизни поэта вышли два отдельных издания этой трагедии (1751, 1768) и третье уже после его смерти (1786). Непонятен и принцип выборочного комментария бытовых реалий. Так, Туфанову приходится в отсутствии электрического освещения пользоваться разными типами ламп. Почему-то масляная лампа («клепселей») полюбилась комментаторам – и они разъясняют принцип ее действия, а вот фраза «сизу с 7-линейной лампой» (с. 554) – уже нет, как будто семилинейные лампы всем хорошо известны. Между тем это не что иное, как керосиновая лампа с шириной фитиля в 7 линий – т. е. около 18 мм.

Будем надеяться, что переписка мужа и жены Туфановых будет еще переиздана – в полном варианте и с учетом настоящих замечаний.

Примечания

- ¹ См.: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О высылке и ссылке, применяемых по судебным приговорам» от 10 января 1930 г. URL: <http://xx-vek-istoria.narod.ru/libr/istochnik/zak/vysylka.html> (дата обращения: 05.02.2007).
- ² В июне 1934 г. Центрально-Черноземная область была разделена на Воронежскую и Курскую, Орел стал городом Курской области (см. письмо Туфанова от

16.06.1934). Областным центром Орел стал только в 1937 г. – Туфанов уже жил в это время в Новгороде.

- ³ См.: РО ИРЛИ. Ф. 699. № 88. Л. 2 об.
- ⁴ См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 33. Оп. 2. Д. 9. Л. 236 об.
- ⁵ Там же. Д. 21. Л. 1 об., 2.
- ⁶ См.: *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб., 1995. С. 299.
- ⁷ См.: *Эдельштейн М. Ю.* «Мастодонт поэзии не кто иной, как Вяч. Иванов» : два письма Н. Н. Шульговского к В. В. Розанову // От Кибирова до Пушкина : Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова / сост. А. Лавров, О. Лекманов. М., 2011. С. 704.
- ⁸ См.: *Хисамутдинова Н. В.* А. П. Георгиевский – один из зачинателей архивного дела в Приморском крае // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 11–16.
- ⁹ См. электронную версию: URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/19780780> (дата обращения: 05.02.2017).
- ¹⁰ *Хисамутдинова Н. В.* Указ. соч. С. 16.
- ¹¹ См., например: *Чертков В. Ф., Бренчугина-Романова А. Н.* Научно-методическое наследие Б. В. Рождественского // Наука и школа. 2012. № 3. С. 180.
- ¹² См.: *Кобринский А.* Стихотворение Даниила Хармса «На смерть Казимира Малевича» : история создания, датировка, текстология // Озерная текстология : Труды IV летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы / под ред. А. Кобринского, О. Лекманова, М. Люстрова, Г. Обатнина. Пос. Поляны (Уусикирко) Лен. обл., 2007. С. 21–31.

А. А. Кобринский, Санкт-Петербург